

ЭТНОЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОННОТАЦИИ

© 2003 О.И. Быкова

Воронежский государственный университет

Концепции лингвистического статуса коннотации противостоят крайние точки зрения, либо исключаящие коннотацию из сферы лингвистики вообще, на том лишь основании, что коннотативная семантика как знаковая система должна быть отнесена к области семиотики; либо относящие коннотацию к области экстралингвистики, так как здесь якобы изучается не язык. Это обстоятельство побуждало лингвистов к определению методологии исследования объема содержательной структуры и типологии коннотации, поиском методов и приемов изучения коннотативности как свойства системы языковых единиц и специфики их функционирования в различных условиях коммуникации. В рамках новой научной парадигмы, лингвокультурологии исследование языка культуры предполагает комплексное синхронно-диахроническое изучение механизмов вербализации этнокультурного сознания. Деятельность человеческого сознания в процессе классификации и категоризации мира – важнейший связующий элемент между реальной действительностью, культурой и языком. Культурное опосредование деятельности предыдущих поколений аккумулируется в настоящем как специфически человеческая составляющая среды [10, 169] и вся совокупность взаимодействий сознания этнокультурного социума и окружающей действительности – это прежде всего **культурная** коммуникация. В определённом этнокультурном пространстве при обмене сообщениями включаются процессы порождения, организации, переработки, хранения, трансформации и передачи сообщений. Существование языка в конкретных этносемиотических системах отражает корреляцию между спецификой национального сознания в интерпретирующей деятельности говорящих и семиотическим устройством языка. Язык выступает как языковой репрезентатор культуры. Определение взаимодействия и взаимообусловленности языка и культуры опирается на следующие ключевые позиции: 1) признание их принципиальной близости как сходным образом организованных знаковых систем; 2) общность их плана содер-

жания: реально существующая или воображаемая картина мира; 3) специфика их функционирования и динамичность в процессе межперсональной коммуникации внутри одной лингвокультурной общности (этноса) или при сложном взаимодействии между различными этносами. “Роль культуры состоит в том, что она даёт человеку “экран понятий”, на который он проецирует и с которыми он сопоставляет свои восприятия внешнего мира” [18, 44]. Всякое знание получает выражение через систему знаков, которые сами по себе могут не содержать информации, но без обращения к ним эта информация не будет доведена до человека. Культура формирует сложную и многообразную знаковую систему, через которую проходит накопление, поддержание и организация опыта. Средствами культуры создаются знаки, названия, имена, позволяющие воссоздать в воображении образы отсутствующих предметов, перечислять и сочетать их в любой последовательности. Язык сам по себе - продукт культуры, будучи важнейшим человеческим носителем системы значений, он функционирует как наиболее универсальное средство по сравнению с другими знаковыми системами, к которым относятся естественные и искусственные языки, различные системы сигнализации, языки изобразительных систем (образы, символика) [12, 129-130].

Культурное опосредование деятельности предыдущих поколений аккумулируется “ в настоящем как специфически человеческая составляющая среды “[10, 169] и вся совокупность взаимодействий культурного сознания этнокультурного социума – это прежде всего **культурная** коммуникация. В определённом этнокультурном пространстве при обмене сообщениями включаются процессы: порождения, организации, переработки, хранения, трансформации и передачи сообщений. При формировании культурноносных смыслов действие механизмов интеграции знаний в речевой деятельности осуществляется на разных ярусах и этапах и не ограничивается только передачей информации. Отмечая, что кодирование культурно-

исторического опыта в значении языкового знака связано с двумя ипостасями речемыслительной деятельности: когнитивной и дискурсивной, Н.Ф. Алефиренко указывает на специфику этноязыкового кодирования как на процесс более глубокий, осуществляемый на уровне когнитивных процессов, затрагивающих фундаментальные основы познания, имплицитные структуры которых упорядочивают ценностно-смысловые отношения в пределах этнокультурного пространства. Таким образом, ”координирующие механизмы языка служат своего рода этноязыковой матрицей семантизации окружающего мира” [2, 67]. Лингвокультурологическая значимость номинируемой в языке внеязыковой действительности определяет специфику структурирования семантического пространства языка.

Семиотика, изучающая значащие и значимые сущности в окружающем человека мире, признаётся наряду с антропоцентризмом, интерпретацией и рече-мыслительной деятельностью с её основными аспектами номинации и коммуникации одной из методологических опор и базовых категорий лингвокультурологии. “Код в лингвосемиотике культуры – это система означивания, т.е. сформированная стереотипами этнокультурного сознания конфигуративная совокупность знаков и механизмов их применения с целью осуществления двух взаимосвязанных процессов: (а) образования и структурирования довербальных смыслов и (б) их вербализации в ходе обработки, преобразования, хранения и передачи внегенетической информации в рамках определённой коммуникативно-прагматической парадигмы “ [2, 61-62]. Специфика семиотического представления о языке состоит в том, что язык толкуется как знаковая система, т.е. неаддитивная сложность, структурно упорядоченная относительно представляемой реальности. Опорой для анализа отношения знаковой системы к замещаемой реальности (предметной или мыслительной) традиционно служит семиотический треугольник Ч.Пирса (знак-предмет-интерпретанта) и схема основных семиотических отношений Ч.Морриса (семантика, синтаксис, прагматика). Критериями, по которым совокупность знаков становится языком, являются по Моррису: 1) понятность знаков для языкового коллектива; 2) их воспроизводимость общающимися; 3) многоситуационность, т.е. их отнесённость к классам аналогичных ситуаций; 4) взаимосвязанность-способность образовывать сложные знаки - предложения, тексты. Первые два критерия носят явно прагматический характер, третий - имеет отношение к семантике, четвёртый - к синтак-

сису. “Подход Морриса достаточно показателен для анализа модели языка, которую отличает частносистемное представление языковой реальности и заково-структурный редукционизм в подходе к ней “[26, 20]. Ф. де Соссюр, явившийся первым лингвистом, применившим понятие знака к описанию языка, предопределил место *semiology* как раздела лингвистики в более широком контексте семиотики как науки о природе знаков и законов, ими управляющих. На основании типов отношения между обозначающим и обозначаемым Ч. Пирс выделил три типа знаков вообще: 1) иконические : на основании подобия; 2) индексальные: на основании смежности и 3) символические на основании конвенции, соглашения, усвоенной ассоциации. В порождении коннотативного содержания языкового знака в той или иной степени могут принимать участие все типы знаков. При этом символической значимости любого знака в условиях культурной коммуникации принадлежит особая роль. Определение признаков знаков культуры, в том числе и языковых знаков в их взаимодействии, семиозисе и отношении между знаком и значением, являющиеся центральными проблемами семиотики, во многом определили пути решения вопроса об онтологии коннотации. Семиотический подход к исследованию коннотации, представленный разными направлениями и взглядами смежных наук: языкознания, литературоведения, культурологии, - явился по сути теоретической базой в развитии понятия “коннотация”. Учитывая значимость лингвосемиотического подхода к определению исходных моментов порождения различных типов коннотации, в том числе и исследуемой нами этноконнотации, считаем целесообразным при рассмотрении различных позиций семиотиков выделить только то рациональное, что поможет нам приблизиться к определению природы и сущностных признаков этноконнотации.

Двойственная природа языкового знака (*signifie* – обозначаемое и *signifiant* – его акустический образ, обозначающее по Ф. де Соссюру) и его полифункциональность являются основными факторами порождения коннотаций. Однако при рассмотрении коннотативности как особого свойства функционирования языкового знака при его взаимодействии с другими компонентами в процессе семиозиса, лежащими за пределами знака и его системы, в самой семиотике можно наблюдать определенный терминологический разнобой, разногласия и противоречия. Терминологические расхождения касаются в основном различий в обозначении полюсов традиционного семиотического треугольника как основополагающей модели функционирования знака: 1) знак (Пирс), символ (Огден-Ричардс), знаковый уровень (Моррис), выраже-

ние (Ельмслев), репрезентант (Пирс); 2) интерпретант (Пирс), референт (Огден-Ричардс), десигнат (Моррис 1938), сигнификат (Моррис 1946), понятие (Соссюр), содержание (Ельмслев), смысл (Фреге), интенционал (Карнап), сигнификат (Эко), коннотат (С.Милль); 3) предмет (Фреге), денотат (Моррис), сигнификат (Фреге), денотация (Рассел), экстенционал (Карнап). При такой терминологической дифференциации существенным моментом в развитии семиотики является то, что, принимая знак за семиотическую константу, современная семиотика концентрирует внимание в основном на трех уровнях описания знака: 1) знак – знак (синтактика); 2) знак – значение (семантика); 3) знак – человек (прагматика). Однако связь языкового знака с внеязыковой действительностью чаще всего игнорировалась семиотикой. В качестве аргументов критики знаковой теории языка Ф. де Соссюра принято считать гипертрофию “формальной и особенно содержательной значимости (valeur) слов, игнорирование фактов объективной действительности и общественно-исторического опыта человека и механизма порождения речевых единиц, что привело к обедненному моделированию естественного языка, не учитывающему его сложную, иерархическую структуру” [13, 168]. Значение знаков слов не соотносится с действительными свойствами предмета, явлениями или процессами. Они вырабатываются культурой в ходе взаимодействия человека с природой и формирования предметной и символической среды его жизнедеятельности. В семиотике имплицитно присутствует аспект, связанный с внеязыковым содержанием, культурным пространством, в котором функционирует языковой знак. Еще ранние семиотики отмечали, что знак только тогда становится знаком, когда он интерпретирован с помощью других знаков, а “каждая операция со знаком культуры и его истолкованием сама становится знаком культуры” [22]. Существенным моментом в описании семиотической модели как способа системной организации знаков языка и культуры, следует признать выделение основателями семиотики Г. Пирсом (1967) и Г. Моррисом (1971) в семиозисе наряду с традиционными тремя компонентами: знаком, десигнатом (классом объектов, денотатом), интерпретантом (смыслом, содержанием знака) дополнительного четвертого компонента – интерпретатора, субъекта. Все компоненты семиозиса связаны друг с другом органически, если исходить из полифункциональности самого знака, обладающего, по мнению немецкого логика и семиотика Г. Клауса [8, 13-17], наряду с функцией значения также функцией обозначения. Выделение Г. Клаусом четвертого аспекта семиотики – сигматики – позволяет исследовать отношение (R) знак (Z) – объект внеязыковой действительности – (O). Тогда сам знак оказывается связанным и с языком (в языковой семантике), и с внеязыковой действительностью (ре-

альным или воображаемым миром). Например, слово *Achtundachziger* (m) в немецком языке может обозначать не только класс “порядковое числительное”, но и класс “профессия” (пекаря). Оно восходит к средневековой традиции вывешивать на булочных табличку с изображением двух кренделей, похожих на две цифры 8. Это обозначение может быть выражено отношением $R(Z, O)$ или обратным отношением (O, Z) . Таким образом, знаки, несущие не только собственно языковое, но и внеязыковое содержание для выражения понятий и коннотаций предметов культуры могут быть системно описаны в единстве семантического, сигматического, прагматического измерений языкового знака. А сама схема семантического треугольника Огдена и Ричардса, восходящая к треугольнику Фреге существенно дополняется в свете положений о сложном устройстве знака и его взаимодействии со всеми компонентами семиозиса: другими знаками, значением, объектом действительности, пользователем знака (человеком). Заслуживает внимания предложенная А. Соломоником схема значения языковой единицы, включающая новейшие представления семантики о двух планах значения языкового знака: “смысловом значении” и “значении обозначения”. Приобретение знания происходит не только за счет отдельной изолированной связи “знак – обозначаемое” (как изображали авторы предыдущих схем), но в результате активного влияния всего корпуса знаний, накопленных человечеством” [там же: 21, 133]. Выделение сигматики как необходимого уровня в модели семиотического описания объектов и сигматического значения как актуального смысла, на наш взгляд, весьма продуктивно при исследовании компонентов культуры в коннотативном содержании знака, так как открывает выход в предметно-понятийный внеязыковой мир.

Закон смысла, описывающий отношения “означающее-означающее” впервые был констатирован представителем копенгагенской школы глоссематиков Л. Ельмслевом. Коннотация стала объектом систематического анализа в коннотативной семиологии Ельмслева. Им была предпринята попытка семиотического описания коннотации при различении плана выражения и плана содержания языкового знака. Удвоение дихотомии знака по Соссюру, а именно выделение в каждом плане формы и субстанции позволило Л. Ельмслеву выделить 4 уровня (функциона) модели языкового знака: 1) субстанция плана выражения – континуум звуков, 2) субстанция плана содержания – континуум человеческого опыта, 3) форма плана выражения – фигуры (фонемы), 4) форма плана содержания – фигуры (мелкие компоненты смысла) [6]. Особую плодотворность членения формы в концепции Ельмслева отмечают многие авторитетные ученые [30; 22; Мартине, 1973; 26; 18; Лерхнер 1991; 3]. В концепции Ельмслева нашел отражение недостаток чисто формальной теории языка:

абстрактность терминов “выражение” и “содержание” и их произвольное истолкование, как отмечает сам Ельмслев: “<...> их функциональное определение не содержит требования, чтобы тот, а не иной план называли “выражением” или “содержанием” [6, 318]. Несмотря на это, заслуживает внимания его идея обращения планов. Коннотативность языкового знака в модели глоссематиков представлена как результат “солидарности” взаимосвязанных функтивов: план содержания на уровне субстанции становится планом выражения (см. схему 1).

Схема 1.

	форма плана выражения	
Функциональность	Субстанция плана содержания	Коннотативность
	форма плана содержания	
	Субстанция плана выражения	

Отношения функтивов, генерирующие коннотативность, порождаются определенными “коннотаторами”. Термином “коннотатор” Ельмслев обозначает сигнал коннотации и предлагает каталог коннотаторов, включающий шесть типов: 1) различный стиль (поэтический, прозаический, связный, несвязный); 2) различные типы стилей (творческий, креативный, продуцирующий); 3) различные тональности (возвышенная, заниженная, нейтральная); 4) различные коды (речь, письмо, жесты и т.д.); 5) различные настроения; 6) различные клише: а) язык групп, профессионализмы (арго); б) национальные языки; в) региональные языки; г) язык индивида. Эта типология отражает противоречивость и неразрешенность многих вопросов метасемиотики и коннотативной семиотики Ельмслева. Он противопоставил коннотативной семиотике, план выражения которой представлен планом выражения и планом содержания денотативной семиотики, метасемиотику, в которой семиотикой является план содержания. Позиция Ельмслева, “бескомпромиссно противопоставляющая язык – объект (как предмет анализа) метаязыку (как средству анализа), является характерным примером сциентистского мышления, главная задача которого заключается в том, чтобы весь социум, всю человеческую историю превратить в материал для отстраненного научного препарирования, а самому при этом смотреть на человека и человечество “с точки зрения вечности”; воплощением этой внепространственной и вневременной точки зрения как раз и должен стать некий абсолютный метаязык, вместилище истины в последней инстан-

ции, возносящий ученого над изучаемым объектом <...>” [9, 22]. Рассматривая коннотаторы не как форму плана выражения, а как субстанцию, позиционно находящуюся за пределами семиотического описания, Ельмслев предписывает изучение явлений материальной деятельности метасемиотике [28, 42]. В отличие от метасемиотики Л. Ельмслева, в которой по сути семиотикой является план содержания, крупный французский семиолог и литературовед Р. Барт развивает идею Ельмслева об обращении плана содержания и плана выражения. Анализируя в рамках культурсемиотики специфический характер мифа как знака культуры, Барт обращает внимание на то, что отношения между означаемым (по терминологии Барта, концептом) и означающим (по Барту – смыслом) есть отношения **деформации**. “Знак (то есть результат ассоциации концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означающим во второй системе [3, 78].

В представленной Бартом [3, 79] схеме языковая система (“язык – объект”) (см. схему 2) как первичная семиологическая система, где 1 означающее и 2 означаемое сводятся к функции означивания (3 знак), как только они становятся составной частью мифа в качестве формы для содержания вторичной знаковой системы, III знак которой и является значением мифа:

Схема 2

	1. означающее	2. означаемое
язык	3. знак	I означающее
		II означаемое
миф	III знак	

Сам миф Барт обозначает метаязыком, который говорит о первом (языке-объекте). Генеративная модель языкового знака Р. Барта приемлема для широкого толкования коннотативности: и как элемента вторичной семиотической системы знаков культуры, и как индивидуальных эмотивных дополнительных элементов значения, и как результата контекстуально обусловленного взаимодействия знаков в тексте. В этом нашла отражение культуролого-семиотическая концепция французского структурализма (К. Леви-Стросс, М. Лакон, М. Фуко, Р. Барт): гиперболизация знаково-символического аспекта культуры и широкая трактовка языка как средства объективации культуры, редукция субъективного компонента в культуре к знаковой структуре, жёсткая де-

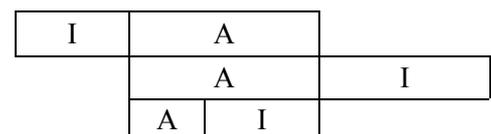
терминация объективно-нормативными и знаково-символическими структурами.

Представитель тартуской школы культур-семиотики Ю.М. Лотман, исследуя культурные феномены как вторичные моделирующие системы, допускает обратимость планов содержания и выражения [13, 24]. Ю.М. Лотман полагает: “Неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как семиосферу” [15, 165]. Оставаясь в рамках классической схемы структуралистского метаязыка, Ю.М. Лотман не отождествляет культуру с реальностью, противопоставляет культуру и природу. Но несомненна его заслуга в признании человека, погруженного в культурное пространство, ключевой фигурой семиозиса [14, 44].

Мысль о неограниченном развитии и взаимопревращении означаемого и означающего – о бесконечном семиозисе – является центральной у У. Эко: “Jeder Gegenstand, auf den ein Zeichen bezogen wird, kann seinerseits zum Signifikanten für das Signifikat des ursprünglichen Signifikanten werden” [26, 168]. Рассматривая денотацию и коннотацию как категории теории кода, он определяет денотацию как семантическое свойство, содержание выражения, а коннотацию как содержание функции знака. Так имя *Наполеон* декодирует культурно значимую единицу благодаря её месту в семантическом поле “исторические личности”, которое является общим для различных культур. Но при одинаковой денотации оно может быть коннотировано различно: *победитель в Маренго* (положительная коннотация), *побеждённый в Ватерлоо* (отрицательная коннотация). Денотация, по его мнению, только определяет позицию лексемы в семантическом пространстве определенной культуры, в то время как все богатство процесса коммуникации опирается на целое множество, последовательность (сеть) интерпретант, посредством которых процесс семиозиса как бы придает лексеме собственную жизнь. Денотация непосредственно соотнесена с кодом, который приписывает форму выражения к определенной культуре. А коннотация – это сумма всех культурных значимостей, которые сигнификат может вызвать институционально в памяти получателя информации [27, 111]. Такое толкование коннотации у Эко следует из его функционально обусловленного подхода к культуре как особой коммуникации (Kultur als Kommunikation), которая может быть основательно изучена, по его мнению, только с точки зрения семиотического подхода. “Семиотика исследует все культурные

процессы как процессы коммуникации” [29, 52]. Отмечая сложность однозначного решения вопроса о терминологическом различии денотативных и коннотативных маркеров семем, У. Эко видит перспективу определения эмпирическим путём с позиций теории семиозиса. По его мнению, денотация – это семантический признак определённой семемы, который одновременно является признанным в рамках данной культуры признаком всех возможных референтов этой семемы. Коннотация – это семантический признак определённой семемы, который опосредован денотацией и **не обязательно** соответствует признанному в рамках данной культуры признаку возможного референта. В определении различия между денотативными и коннотативными маркерами следует отметить конструктивность признания корреляции между функцией знака и новой коннотативной единицей: “(1)денотативный маркер – это одна из позиций в семантической системе, которые код непосредственно соотносит с обозначающим; (2) коннотативный маркер является одной из позиций в семантической системе, которые код соотносит с обозначающим посредством предыдущего денотативного маркера и тем самым устанавливает соответствие между функцией знака и новой семантической единицей” (перевод мой – О. И. Б.) [Eco U., 1997, S. 124 – 125]. Не менее важным моментом определения маркеров семемы является также признание У. Эко нестабильности денотативных маркеров, их зависимости от функционирования в коде, в то время как коннотативный маркер может быть прочно закреплён социальной конвенцией и сохраняться также долго, как и лежащая в его основе денотация. Преимущество и новаторство семиотики У. Эко в теоретическом плане заключается в его междисциплинарной методологической установке на исследование культурнообусловленного функционирования знаковых систем (кодов) в различных социальных условиях проявления активности человека (“Leben der Zeichen im Rahmen des sozialen Lebens”) [29, 98]. Опираясь на модель коннотации Л. Ельмслева и Р. Барта, он метафорически сравнивает явление коннотации с феноменом дрейфа (Abdrift), коннотативным опухолевидным новообразованием (konnotativer Neoplasmas), представляя его следующей диаграммой [27, 429] (см. схему 3).

Схема 3.

A (Ausdruck) – план выражения; I (Inhalt) – план содержания.

Динамическая модель коннотации, предложенная У. Эко, представляет собой цепь интерпретант, возникающих в результате бесконечного семиозиса: “<...> eine Kette möglicher Interpretanten. Die unendliche Semiosis wird zu einer Kette von Konnotationen” [28, 88]. Каждая интерпретанта является культурной или семантической единицей. Система семантических единиц представляет, каким образом определённая культура членит реально воспринимаемый или мыслимый универсуум и образует форму содержания. Отрицание статичности (монументальности) кодифицированного в определенной культуре значения языкового знака является существенным моментом семиотики как науки о культуре в целом: “<...> сигнификаты следует рассматривать не как безвременные и теоретические конструкторы, а как исторически обусловленные и тем самым изменяющиеся представления (перевод мой – О.Б.) [33, 195]. Это позволяет предположить, что в особых актах семиозиса формируется различное измерение знака. “Функциональной подвижностью” множества словесных знаков Н. Д. Арутюнова объясняет семантическую двойственность слова, ”наличие у него смысла и значения, сигнификативного и денотативного содержания, способности к коннотациям и референции”. В самой природе человека заложена возможность создания семиотической системы той или иной степени сложности, предназначенной для целей общения [1]. Именно поэтому и можно рассматривать семиозис как социальную активность, порождающую знаки различных уровней и иерархию средств общения [Семиотика, 1983, с.526]. Семиозис выступает как внутреннее условие осуществления знаковой деятельности носителями определенной лингвокультурной общности (этноса). А культура общения этноса, определяемая “как система исторически сложившихся характерных для данного народа средств коммуникативной знаковой деятельности” [4, 43], обеспечивает единство этнической культуры и ее самоидентификацию.

С точки зрения этносемиотического подхода к культуре первостепенную значимость обретает сигнификативная функция культуры, отражающая наименование, оценку явлений с целью определения их места в контексте человеческого опыта [20]. Но, однако, этнознаковыми функциями этносемиотический подход к культуре не исчерпывается, так как все культурные явления обладают своеобразной двойственностью. В каждом этносе есть различия между “внешним выражением” (знаком) как формой проявления

культуры, так и его “внутренним” содержанием “второй жизнью” проявления культуры, значением, в котором реакция людей в любой организованной человеческой группе опосредована культурой [5; 17]. Что же определяет способность единиц языка в актах вторичного семиозиса коннотировать культурно значимые смыслы? В определённой мере мы находим ответ на этот вопрос в размышлениях Н. Ф. Алефиренко о знаково-символической репрезентации этнокультурного сознания и о двух типах кодирования социально-значимой информации: семантической и семиотической. “Семантические и семиотические механизмы смыслообразования функционируют в единстве взаимосвязанных отношений семиозиса и номинации” [2, 83]. Культурный знак отличается: 1) особой ёмкостью как средство и способ кодирования элементов этнокультурного сознания; 2) многозначностью словесного символа, парадигматически обусловленная двойной референцией. Кодированные в знаках культуры древнейшие архетипические представления соотносятся с базовыми кодами общечеловеческой культуры [Красных В. В., 2002]. Культура общения тесно связана с социальной и демографической структурой народа, традициями ведения хозяйства, организацией быта, питания, одежды, обычаями и нравами, традиционными формами искусства и организацией досуга. Как показало этнолингвистическое исследование Филатовой Н. Ф., обрядовый знак в её трактовке отличается подвижностью и асимметричностью по отношению к обрядовому слову и наиболее релевантен при изучении культурной семантики [23].

На этом основании можно предположить, что исследование этноконнотации методологически должно опираться на описание взаимообусловленности и взаимодействия знаков материального и духовного мира, функционирующих в определенном этно-ментальном пространстве. В структуре различных языковых знаков в процессе семиозиса как социальной активности этноса этноконнотация может порождаться в результате различных напластований новых означаемых на само тело знака или его деформации в новое означаемое. Экспликация признаков этноконнотации может осуществляться на основе корреляции между кодами культуры как формой организации долговременной культурной памяти этноса и определения специфики их вербализации в единицах языках

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека./ Н.Д. Арутюнова - 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 2000. – I-XV. - 296 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры./ Н.Ф.Алефиренко.-М.:Academia, 2002.-394с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова./Р. Барт – М.: Издательская группа “Прогресс”, “Универс”, 1994. – 616 с.
4. Бражников Б.Х. Культура общения и семиозис /Б. Х. Бражников // Этноязыковые функции культуры.– Л.: 1991. – с. 43 – 57.
5. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии./ Ю. В. Бромлей – М.: 1981. – 380 с.
6. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка, пер. с англ. /Л. Ельмслев // Сб. Новое в лингвистике, вып. 1– М.: 1962. - с. 318.
7. Карнап Р. Значение и необходимость / Р. Карнап - пер. с нем – М.: 1959.
8. Клаус Г. Сила слова./ Г. Клаус – М.: 1967.
9. Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед. Вступительная статья / Г. К. Косиков // Ролан Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова – М.: Издательская группа “Прогресс”, “Универс”, 1994. – 616 с.
10. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего / М.Коул – М.: Когито-Центр, Изд-во Институт психологии РАН, 1997. - 432с.
11. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002. – 284 с.
12. Культурология. XX век. Словарь.- СПб.: Университетская книга, 1997.-640с.
13. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1995. – с. 352.
14. Лотман Ю.М. О проблеме значений во вторичных моделирующих системах /Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Вып. 181.– Тарту, 1965. – с. 22-27.
15. Лотман Ю.М. Культура и взрыв/ Ю. М. Лотман. - М.: Прогресс, 1992. – 251 с.
16. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История./ Ю. М. Лотман - М.: Языки русской культуры, 1996. – 447 с.
17. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях / А. Мартине. – пер. с франц. – М.: Наука, 1960. – 261 с.
18. Моль А. Социодинамика культуры. / А.Моль – Перевод с французского. – М.: Изд-во Прогресс, 1973.-406с.
19. Мыльников А.С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации. / А.С.Мыльников//Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – с. 7-38.
20. Попова З.Д. Общее языкознание. Учебное пособие./З. Д. Попова - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – с. 22.
21. Рассел Б. История западной философии, /Б. Рассел. – пер. с англ. – М.: 1959.
22. Соколов Э.В. Культура и личность/Э. В. Соколов – М., 1972.
23. Соломоник А. Семиотика и лингвистика./А. Соломоник – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
24. Степанов Ю.С. Семиотика./Ю. С. Степанов – М.: Наука, 1971. – 268 с.
25. Филатова В.Ф. Обряд и обрядовая лексика в этнолингвистическом аспекте /на материале говоров восточной части Воронежской области/: Автореф. дис. ...канд. филол. наук /Филатова Валентина Фёдоровна. Воронеж, 1995. - 24с.
26. Чупина Г.А. Принцип деятельности и язык. Философско-методологический анализ./Г.А.Чупина. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1987.-192с.
27. Фреге Г. Смысл и денотат, пер. с нем. /Г. Фреге // Семиотика и информатика, 1977.
28. Eco U. Zeichen. Einführung in einen Begriff und seine Geschichte./U. Eco. - Frankfurt a. M.: 1977 – 202 S.
29. Eco U. Semiotik. Entwurf einer Theorie der Zeichen./U. Eco. – München,: 1987. – 439 S.
30. Eco U. Zwischen Literatur und Metasemiotik./U.Eco – Braunschweig: 1991.
31. Eco U. Einführung in die Semiotik./ U. Eco. – Autorisierte dt. Ausg., 8., unveränd. Aufl. / von Jurgen Trabant. – München: Fink. – 1994.
32. Greimas A.I. Du sens. Essais sémiotiques./A.I.Greimas. – Paris: 1970.
33. Lerchner G. Stilistische Solidaritäten. Stilgexleichte zwischen Literatur und Sprachhistoriographie/ G. Lerchner // Zeitschrift für Germanistik. Neue Folge 2., 1996. – S. 337-348.
34. Morris Ch. Writings of the General Theory of Signs./Ch Morris. – The Hague: 1971.
35. Peirce Ch. S. Schriften zum Pragmatismus und Pragmatizismus. /Ch. S. Peirce. – Frankfurt a. M.: 1967.
36. Posner R. Mitteilungen an die ferne Zukunft/R. Posner. // Zeitschrift für Semiotik. – 1984. – №6. – S. 195-228.
37. De Saussure F. Course in General Linguistics/ F. De Saussure. - Z.: 1983. - 66 p.